This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1PGX X

Karabchevskii
2-oe pribavlenie

RUS
908
KAR

HARVARD
LAW
LIBRARY

A7
Karabcheveskii, N P.
2-de pribavlenie

Bd. April 1933

HARVARD LAW LIBRARY

Received NOV 30 1932

Н. П. КАРАБЧЕВСКІЙ.

ВТОРОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ КНИГѢ

„РѢЧИ“.

(Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и рѣчь въ защиту Сазонова).

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ЧИТЮРНИКОВА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Невскій проспектъ, № 91.

1906

NOV 30 2002

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „ТРУДЪ". Фонтанка, 86.

Дѣло объ убійствѣ статсъ-секретаря В. К. Плеве.

Дѣло это слушалось въ особомъ присутствіи с.-петербургской судебной палаты, при закрытыхъ дверяхъ, 30 ноября 1904 г.

Предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель с.-петербургской судебной палаты В. К. Максимовичъ. Обвиненіе поддерживалъ товарищъ прокурора судебной палаты И. М. Кукурановъ.

Сазонова защищалъ Н. П. Карабчевскій, а Сикорскаго—М. Г. Казариновъ.

Приводимъ обстоятельства дѣла въ изложеніи обвинительнаго акта.

15-го іюля 1904 года, въ четвергъ, около 9 час. 50 мин. утра на Измайловскомъ проспектѣ въ гор. С.-Петербургѣ былъ убитъ посредствомъ метательнаго разрывнаго снаряда проѣзжавшій по названному проспекту министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи Вячеславъ Константиновичъ Плеве. Преступленіе это совершено сыномъ купца Егоромъ Сергѣевымъ Сазоновымъ по распоряженію преступнаго сообщества, присвоившаго себѣ наименованіе «Боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

Произведеннымъ по этому поводу предварительнымъ слѣдствіемъ выяснены нижеслѣдующія данныя.

Означенная «партія соціалистовъ-революціонеровъ», сформировавшись въ 1902 году изъ «союза соціалистовъ-революціонеровъ» и имѣя центральный комитетъ за границей, а печатнымъ органомъ журналъ «Революціонная Россія», — поставила себѣ задачею низверженіе самодержавнаго образа правленія въ Россіи для замѣны его республиканскимъ, а равно переустройствомъ общественнаго строя въ Имперіи на началахъ соціализма. Для достиженія этихъ цѣлей сообщество предприняло пропаганду своего ученія средн разныхъ слоевъ населенія, стремясь организовать въ немъ такую силу противоправительственныхъ элементовъ, которая могла-бы принудить высшую власть къ удовлетворенію домогательствъ «партіи». Формируя тайные кружки своихъ приверженцевъ, участники сообщества стремятся склонить на свою сторону представителей интеллигенціи и учащуюся молодежь, возбуждаютъ крестьянъ къ аграрнымъ волненіямъ и насиліямъ противъ помѣщиковъ и административной

власти, побуждаютъ фабричныхъ къ стачкамъ и уличнымъ вооруженнымъ демонстраціямъ и распространяютъ въ войскахъ недовольство и неповиновеніе начальству. Вмѣстѣ съ тѣмъ «партія» проповѣдуетъ необходимость террора въ видѣ «уничтоженія» посредствомъ убійствъ тѣхъ носителей высшей правительственной власти, которые являются, по мнѣнію руководителей сообщества, наиболѣе сильными выразителями существующаго самодержавнаго режима или дѣлаютъ распоряженія о подавленіи вооруженною силою безпорядковъ политическаго характера. Для выполненія этихъ убійствъ «партія» выдѣлила изъ своей среды особую «боевую организацію». Лицами, входившими, по заявленію «партіи», въ составъ этой «боевой организаціи» учинены убійства: 2-го апрѣля 1902 года министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. 6-го мая 1903 года — уфимскаго губернатора Богдановича, а равно покушеніе 29-го іюля 1902 года на убійство бывшаго харьковскаго губернатора князя Оболенскаго и приготовленіе къ лишенію жизни оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Побѣдоносцева въ апрѣлѣ 1902 года.

Вскорѣ послѣ назначенія на должность министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Плеве «партія» послѣ вступленія его въ должность, приговоривъ его къ смерти, приступила къ организаціи убійства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Плеве. Такъ 31-го марта 1904 года въ Петербургъ прибылъ скрывавшійся до того времени за границей членъ «боевой организаціи» дворянинъ Алексѣй Покотиловъ, который, поселившись въ «Сѣверной гостинницѣ», приступилъ къ наполненію магнезіальнымъ динамитомъ двухъ разрывныхъ бомбъ, предназначенныхъ для посягательства на жизнь статсъ-секретаря Плеве. Однако же во время этой работы одна изъ бомбъ, уже вполнѣ снаряженная, взорвалась вечеромъ того-же дня; Покотиловъ былъ убитъ, а прилегавшія къ его комнатѣ помѣщенія разрушены, причемъ занимавшіе сосѣдніе съ нимъ номера бывшій воспитанникъ морского корпуса Владиміръ Селевинъ и дворянка Елизавета Слѣпцова не погибли только благодаря временной отлучкѣ изъ гостинницы. Не взирая на эту неудачу «партія соціалистовъ-революціонеровъ» занялась новой подготовкой къ убійству министра, избравъ временемъ осуществленія своего замысла еженедѣльныя поѣздки статсъ-секретаря Плеве по четвергамъ съ дачи (на Аптекарскомъ островѣ) на Балтійскій вокзалъ для представленія очередныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ въ Петергофѣ. Выполненіе этого убійства приняли на себя сынъ купца Егоръ Сергѣевъ Сазоновъ и Кпышинскій мѣщанинъ Шимель Вульфовъ Сикорскій. Первый изъ нихъ въ 1900 и 1902 годахъ дважды привлекался къ отвѣтственности за государственныя преступленія и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на 5 лѣтъ, но въ концѣ августа 1903 года съ пути слѣдованія къ мѣсту ссылки скрылся за границу. Сикорскій проживалъ ранѣе въ Бѣлостокѣ, откуда выѣзжалъ въ Вильно и останавливался тамъ въ гостинницахъ Петербургъ и Саксонія, причемъ изъ первой—два раза уѣзжалъ наканунѣ четвергова 23-го іюня и 7-го іюля къ вечернимъ поѣздамъ. 12-го того же іюня Сикорскій пріѣхалъ въ Петербургъ, купилъ себѣ накидку морского образца въ магазинѣ готоваго

платья Краутъ и Беньяминсонъ, причемъ деньги за эту вещь уплатилъ какой-то неизвѣстный, сопровождавшій Сикорскаго. 18-го іюля Сикорскій прибылъ изъ Вильно въ гор. Островъ и затѣмъ на слѣдующій день 14-го іюля, съ вечернимъ поѣздомъ отправился въ Петербургъ, оставивъ на станціи свой чемоданъ съ бѣльемъ и 15-ью боевыми револьверными патронами.

15-го іюля утромъ Сазоновъ и Сикорскій явились на Измайловскій проспектъ къ мосту черезъ Обводный каналъ, находящемуся между домомъ «Варшавской гостинницы» и вокзаломъ С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, причемъ Сикорскій подъѣхалъ къ этому мѣсту на извозчикѣ Заверниѣ отъ Измайловскаго моста. Какъ Сазоновъ, такъ и Сикорскій имѣли при себѣ по разрывному снаряду, состоявшему изъ жестяной оболочки, наполненной магнезіальнымъ динамитомъ въ количествѣ около 5 фунтовъ. Снаряды были снабжены двумя крестообразно помѣщенными трубками съ зажигательными и детонаторными приборами, изъ коихъ первые состояли изъ наполненныхъ сѣрной кислотой стеклянныхъ трубокъ съ баллонами и надѣтыми на нихъ свинцовыми грузами. Послѣдніе при паденіи снаряда въ любомъ положеніи должны ломать стеклянныя трубки, вслѣдствіе чего находившаяся въ трубкахъ сѣрная кислота попадала на окружающую эти трубки смѣсь бертолетовой соли съ сахаромъ. Воспламененіе этого состава производило взрывъ сперва гремучей ртути, или подобнаго ей детонаторнаго препарата, а затѣмъ и магнезіальнаго динамита, наполнявшаго снарядъ. Оба эти снаряда были устроены по одной системѣ съ тою бомбою, которая взорвалась въ «Сѣверной гостинницѣ» и убила Алексѣя Покотилова, но имѣли значительно большую разрушительную силу. Взрывъ снарядовъ бывшихъ у Сазонова и Сикорскаго, представлялъ безусловно смертельную опасность отъ дѣйствія газовъ и осколковъ бомбъ на разстояніи отъ 15 до 20 шаговъ и серьезную опасность на разстояніи не менѣе 60 шаговъ, причемъ лицамъ, изготовлявшимъ эти бомбы и ими дѣйствовавшимъ, должно было быть извѣстнымъ, что сфера разрушенія, производимаго взрывомъ этихъ снарядовъ, не могла ограничиться тѣмъ предметомъ, въ который они попадаютъ.

На мѣсто преступленія Сазоновъ прибылъ одѣтымъ въ штатское платье, а также тужурку и фуражку желѣзно-дорожнаго служащаго Николаевской желѣзной дороги и въ ожиданіи проѣзда министра помѣстился около зданія варшавской гостинницы. Сикорскій, одѣтый въ упомянутую выше накидку, находился неподалеку отъ Сазонова. Въ 9 час. 40 мин. утра по Измайловскому проспекту къ Варшавскому мосту, въ то время какъ вблизи послѣдняго было много народу, стала приближаться карета министра внутреннихъ дѣлъ, но какъ только она поравнялась съ угломъ зданія Варшавской гостинницы, Сазоновъ, подбѣжавъ къ каретѣ, бросилъ въ нее бомбу, которая, попавъ въ карету между министромъ и его кучеромъ— крестьяниномъ Иваномъ Филипповымъ, взорвалась со страшнымъ трескомъ. Статсъ-секретарь Плеве былъ убитъ на мѣстѣ и выброшенъ изъ разрушенной кареты, причемъ пальто и платье его были разорваны и ему были причинены слѣдующія поврежденія: на разныхъ частяхъ тѣла, глав-

нымъ образомъ, на правой сторонѣ, образовалось весьма значительное количество ссадинъ и ранокъ; вся нижняя часть лица изуродована, причемъ переломаны обѣ челюсти и кости дна рта; въ одной изъ ранъ лица обнаруженъ осколокъ отъ кареты; правая половина верхней губы оторвана; въ черепѣ оказались двѣ значительныя трещины; на правомъ плечѣ, подъ правой подмышкой, на груди, въ области праваго бедра, на лѣвомъ предплечьѣ найденъ цѣлый рядъ ранъ, а кости праваго плеча, равно какъ 3, 4, 5, 6 и 7 правыя ребра, а также 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 лѣвыя ребра переломлены, причемъ прорваны правая и лѣвая плевры и т. д. Описанныя поврежденія произошли главнымъ образомъ отъ напора газовъ, образовавшихся отъ взрыва снаряда, и вызвали почти моментальную смерть министра. Кучеръ Филипповъ былъ сброшенъ съ сидѣнья и у него оказались: цѣлый рядъ ссадинъ и ранокъ на головѣ и спинѣ, главнымъ образомъ съ правой стороны; раны на правомъ вискѣ, на затылкѣ, на правомъ плечѣ, на правомъ локтѣ, кровоизліяніе въ мозгу, сплошной кровоподтекъ на обоихъ полушаріяхъ мозга подъ твердой оболочкой, трещины: въ височной кости, на передней поверхности селезенки съ разлитымъ кровоподтекомъ вокругъ послѣдней, трещина на правой долѣ печени, кровоподтекъ на капсулахъ почекъ и 7 трещинъ на правой почкѣ; надломы 3, 4 и 5 правыхъ реберъ и соотвѣтственный кровоподтекъ на плеврѣ. Всѣ эти поврежденія были безусловно смертельны, причемъ Филипповъ вскорѣ послѣ взрыва скончался. Обѣ лошади министра тоже поранены. Проѣзжавшій на извозчикѣ неподалеку отъ мѣста катастрофы капитанъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка Максимиліанъ Цвѣцинскій получилъ въ голову 4 легкія и 2 тяжкія, угрожающія опасностью жизни, раны, изъ коихъ послѣднія сопровождались трещинами и раздробленіемъ черепной кости и потребовали производства трепанаціи черепа, причемъ изъ ранъ извлечены два куска отъ разрывного снаряда. Сопровождавшему министра на велосипедѣ служителю охраны Фридриху Гартману причинено нѣсколько легкихъ ранъ, а находившіеся въ разныхъ мѣстахъ неподалеку отъ мѣста взрыва дворянка Хабарова, запасной рядовой Зельманъ Фриденбергъ; крестьяне Ольга Тимофеева, Анна Егорова (3-хъ лѣтъ), Екимъ Афанасьевъ, Павелъ Лаврентьевъ, Филиппъ Крайневъ и Петръ Петровъ, мѣщане Владиміръ Марковъ и Иванъ Храмцовъ—получили отъ дѣйствія разлетѣвшихся отъ взрыва разныхъ предметовъ и осколковъ стеколъ легкія раны и другія легкія тѣлесныя поврежденія. Независимо отъ этого въ зданіи Варшавской гостинницы, а также въ смежныхъ и расположенныхъ напротивъ домахъ и даже въ главномъ фасадѣ варшавскаго вокзала было выбито огромное количество стеколъ, а осколки разныхъ предметовъ были разбросаны по длинѣ улицы на 76 аршинъ и по ширинѣ на 28 аршинъ, главнымъ образомъ на правой ея сторонѣ. Въ одну изъ комнатъ второго этажа Варшавской гостинницы заброшенъ кусокъ дерева отъ кареты министра вѣсомъ въ 2½ фунта, причемъ рама въ окнѣ этой комнаты разрушена. Другой кусокъ отъ кареты оказался за заборомъ склада алебастра на лѣвой сторонѣ улицы. Мостовая около полуразрушенной кареты министра, состоящая изъ гранитныхъ брус-

ковъ, также повреждена, причемъ на пространствѣ 10 квадратныхъ аршинъ верхушки брусковъ были отколоты.

Тѣмъ же взрывомъ былъ сбитъ съ ногъ и Сазоновъ, который при этомъ потерялъ сознаніе и получилъ поврежденіе барабанныхъ перепонокъ въ обоихъ ушахъ, раны на лбу, надъ переносицей, подъ правой бровью, на правой сторонѣ живота и на двухъ пальцахъ лѣвой ноги, а также нѣсколько ссадинъ на лицѣ, рукахъ и другихъ мѣстахъ тѣла. Будучи тутъ же арестованъ и вскорѣ очнувшись, Сазоновъ крикнулъ «Да здравствуетъ соціализмъ—мы свое дѣло сдѣлали», а затѣмъ пытался высвободить правую руку, чтобы достать револьверъ для обороны, но былъ удержанъ отъ этого; въ тужуркѣ же у него оказался заряженный 6-ствольный револьверъ. Убѣдившись въ убійствѣ министра, Сикорскій, желая уничтожить бывшій при немъ разрывной снарядъ, тотчасъ же уѣхалъ на Васильевскій островъ и, прибывъ къ пристани у горнаго института, нанялъ лодочника Максима Кондратьева для прогулки по Невѣ. Спустившись въ яликѣ на полверсты по теченію къ Балтійскому заводу и находясь неподалеку отъ стоявшаго у завода эскадреннаго броненосца «Слава», Сикорскій, вынувъ изъ-подъ своей накидки бомбу, бросилъ послѣднюю въ воду. Кондратьевъ, увидѣвъ это, замѣтилъ Сикорскому, что мѣсто, гдѣ они находились — «казенное» и что «тамъ бросать ничего нельзя», на что Сикорскій отвѣтилъ: «это штука не опасная». Однако, Кондратьевъ, заподозривъ Сикорскаго въ зломъ умыслѣ по отношенію къ броненосцу, повезъ Сикорскаго къ пристани у Балтійскаго завода, заявивъ Сикорскому, что сдастъ его въ контору завода. Тогда Сикорскій сталъ просить Кондратьева везти его дальше, предлагая сперва рубль, затѣмъ 3 рубля и, наконецъ, 10 рублей, но Кондратьевъ доставилъ его на пристань и сдалъ полиціи, причемъ у Сикорскаго, отказавшагося назвать себя, обнаружена вторая шапка и 2 револьверныхъ патрона. Брошенный имъ снарядъ былъ выловленъ 16-го августа неводомъ рабочими рыбопромышленника Колотилина, которые, принявъ эту бомбу за банку съ малярной краской, открыли ее и вылили часть динамита на землю. Когда же при этомъ обнажились упомянутыя выше детонаторныя трубки, то рыбаки, зная по слухамъ о розыскѣ полиціею въ этомъ мѣстѣ Невы какого-то снаряда, представили свою находку въ контору Балтійскаго завода. Какъ оказалось снарядъ вполнѣ сохранилъ свою разрушительную силу и такимъ образомъ угрожалъ смертельною опасностью до момента разряженія его въ спеціальной лабораторіи.

Изложенныя выше обстоятельства настоящаго дѣла удостовѣрены на предварительномъ слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и на формальномъ дознаніи «о взрывѣ въ Сѣверной гостинницѣ» совокупностью показаній свидѣтелей Смирнова, Гартмана, Перепилицына, Запортовичъ, Крисанова, Гусева, Богданова, Ногайникова, Буяновскаго, Кузнецова, Цвѣцинскаго, Петрова, Фриденберга, Тимофеевой, Афанасьева, Маркова, Павла Лаврентьева, Хабаровой, Храпцова, Крайнева, Герасимова, Свердлова, Заверина, Кондратьева, Павлова, Андреева, Шумихина и Макушина, а также объясненіями обвиняемыхъ Сазонова и Сикорскаго. Осмотрами: изданій партіи соціалистовъ-революціонеровъ, мѣста взрыва

въ Сѣверной гостинницѣ, трупа убитаго въ ней Алексѣя Покотилова, книгъ для пріѣзжающихъ въ ту-же гостинницу, вещественныхъ доказательствъ, пріобщенныхъ къ дѣлу объ этомъ взрывѣ, мѣста убійства статсъ-секретаря Плеве, вещественныхъ доказательствъ по настоящему дѣлу, прокламацій по поводу означеннаго убійства, дознаній уфимскаго и московскаго губернскихъ жандармскихъ управленій о Сазоновѣ и дѣлъ о Степанѣ Балмашевѣ, о Фомѣ Качурѣ и о «боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ», вскрытіемъ тѣлъ покойнаго министра В. К. Плеве и (I. 12—18) крестьянина Ивана Филиппова (I, 37), освидѣтельствованіемъ и скорбными листами потерпѣвшихъ и обвиняемаго Сазонова, изслѣдованіемъ разрывныхъ снарядовъ и заключеніемъ экспертовъ докторовъ Кускова и Гиляревскаго и генералъ-маіора Забудскаго.

Въ виду вышеприведенныхъ данныхъ къ настоящему дѣлу привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ сынъ бирскаго купца Егоръ Сергѣевъ Сазоновъ, 25 лѣтъ, бывшій студентъ московскаго университета, и мѣщанинъ мѣст. Кнышина, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, Шимель Вульфовъ Сикорскій, 20 лѣтъ, кожевникъ по ремеслу. Оба они признали себя виновными въ принадлежности къ «боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ», и кромѣ того: Сазоновъ—въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и крестьянина Ивана Филиппова и въ покушеніи на лишеніе жизни прочихъ пострадавшихъ отъ взрыва 15 іюля, а Сикорскій—въ соучастіи съ Сазоновымъ въ убійствѣ того же министра. При этомъ Сазоновъ, долго отказывавшійся обнаружить свое званіе и фамилію, пояснилъ, что упомянутая «боевая организація» имѣетъ цѣлью низверженіе самодержавія путемъ политическихъ убійствъ и завоеваніе политической свободы для «приближенія къ соціализму», а также «уничтоженіе наиболѣе усердныхъ слугъ самодержавія и, слѣдовательно, наиболѣе упорныхъ враговъ народа». Такъ какъ, по заявленію Сазонова, покойный министръ Плеве принадлежалъ къ числу такихъ должностныхъ лицъ, то «ему давно былъ вынесенъ смертный приговоръ боевою организаціею», который и былъ приведенъ въ исполненіе 15 іюля имъ, Сазоновымъ. По словамъ Сазонова, въ «Сѣверной гостинницѣ» погибъ товарищъ его, обвиняемаго, по «боевой организаціи», долженствовавшій совершить покушеніе на жизнь того же министра. Бросивъ бомбу въ карету статсъ-секретаря Плеве, и увидѣвъ, что послѣдній лежитъ на мостовой, онъ, Сазоновъ, крикнулъ: «Да здравствуетъ боевая организація. Долой самодержавіе!» и тѣмъ обнаружилъ свою виновность, послѣ чего его оттащили на панель, били и плевали ему въ лицо. Къ сему Сазоновъ добавилъ, что онъ получилъ отъ «боевой организаціи» револьверъ для самозащиты и пустилъ бы его въ дѣло, если бы отъ взрыва не потерялъ сознанія. Бросая бомбу въ министра, онъ, Сазоновъ, не видѣлъ около себя посторонниихъ людей и имѣлъ въ виду, что взрывъ причинитъ вредъ только статсъ-секретарю Плеве и его кучеру.

На всѣ дальнѣйшіе вопросы по существу дѣла Сазоновъ отказался отвѣчать.

Съ своей стороны обвиняемый Сикорскій показалъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ изъ Вильно 15-го іюля въ 9 часовъ утра, причемъ въ

Островъ оставилъ всѣ свои вещи для того, чтобы онѣ его не обременяли; затѣмъ онъ, обвиняемый, явился къ варшавскому вокзалу съ разрывнымъ снарядомъ, при помощи коего долженъ былъ совершить посягательство на жизнь статсъ-секретаря Плеве, но не исполнилъ этого потому, что такая же бомба была брошена въ министра его, Сикорскаго, товарищемъ, причемъ министръ былъ убитъ. Убѣдившись въ томъ, что бывшая у него, Сикорскаго, бомба болѣе не нужна, и опасаясь, что взрывомъ ея можетъ быть причиненъ вредъ, онъ, обвиняемый, отправился на Неву и, выѣхавъ на яликѣ на рѣку, бросилъ этотъ снарядъ въ воду недалеко отъ Балтійскаго завода.

Отъ дальнѣйшихъ объясненій по обстоятельствамъ дѣла Сикорскій отказался.

На основаніи изложеннаго обвинялись:

I. Сынъ купца Егоръ Сергѣевъ Сазоновъ, 25 лѣтъ, и мѣщанинъ мѣст. Кнышина, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, Шимель Вульфовъ Сикорскій, 20 лѣтъ, въ томъ, что въ 1904 году приняли участіе въ тайномъ сообществѣ, присвоившемъ себѣ наименованіе «боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ» и поставившемъ себѣ цѣлью насильственное посягательство на установленный въ Россіи законами основными образъ правленія и ниспроверженіе существующаго въ Имперіи общественнаго строя, а также совершеніе убійствъ должностныхъ лицъ посредствомъ разрывныхъ снарядовъ, причемъ сообщество это, завѣдомо для нихъ, обвиняемыхъ, имѣло въ своемъ распоряженіи средства для взрыва.

II. Тотъ же Сазоновъ въ томъ, что 15-го іюля 1904 года, въ гор. С.-Петербургѣ, въ видахъ осуществленія указанныхъ выше цѣлей названнаго сообщества, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и въ соучастіи съ другимъ лицомъ, лишилъ жизни министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря Плеве, бросивъ въ послѣдняго метательный снарядъ, наполненный динамитомъ, отъ взрыва коего статсъ-секретарь Плеве получилъ смертельныя поврежденія и, кромѣ того, подвергались опасности нѣсколько лицъ.

III. Тотъ же Сазоновъ въ томъ, что тогда же, имѣя намѣреніе съ заранѣе обдуманнымъ умысломъ лишить жизни министра внутреннихъ дѣлъ посредствомъ разрывнаго снаряда, и зная и предвидя, что отъ предпринимаемаго имъ сего посягательства должны подвергнуться опасности нѣсколько лицъ, несмотря на это, бросилъ означенный снарядъ въ карету министра, коею управлялъ кучеръ—крестьянинъ Иванъ Филипповъ и вблизи коей находились другія лица, причемъ: 1) лишилъ жизни названнаго Филиппова и 2) причинилъ тяжкія, угрожающія опасностью жизни, поврежденія головы капитану Максиміліану Цвѣцинскому и легкія раны и другія поврежденія дворянкѣ Екатеринѣ Хабаровой, колонисту Фридриху Гартману, запасному рядовому Зельману Фриденбергу, крестьянамъ Ольгѣ Тимофеевой, Аннѣ Егоровой, Екиму Аѳанасьеву, Павлу Лаврентьеву, Филиппу Крайневу и Петру Петрову и мѣщанамъ Владиміру Шаркову и Ивану Храмцову, но лишить ихъ жизни не успѣлъ по независящимъ отъ него, Сазонова, обстоятельствамъ.

IV. Означенный Шмель Сикорскій также и въ томъ, что 15-го іюля 1904 года, въ гор. С.-Петербургѣ, въ видахъ осуществленія описанныхъ выше цѣлей упомянутой «боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ», согласился съ обвиняемымъ Сазоновымъ учинить совмѣстными дѣйствіями убійство министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Плеве, а затѣмъ явился на условленное для сего мѣсто съ разрывнымъ снарядомъ, начиненнымъ динамитомъ и вполнѣ приготовленнымъ къ взрыву, причемъ названный министръ тогда же и былъ убитъ Сазоновымъ въ присутствіи и съ вѣдома его, Сикорскаго.

Описанныя преступленія предусмотрѣны по отношенію обоихъ обвиняемыхъ 1 и 2 ч. 102 и 100 статьей уголовнаго улож. Высочайше утвержденнаго 22-го марта 1903 года и 2 ч. 13 и 1 ч. 1453 ст. улож. о наказ., а въ отношеніи Сазонова, кромѣ того, 1458 и 9 п. 1458 ст. того же уложенія о наказ.

Судебное слѣдствіе не дало никакихъ новыхъ сколько-нибудь характерныхъ подробностей происшествія. Заслуживаютъ вниманіе письма Сазонова, писанныя имъ изъ-за границы родителямъ, перехваченныя департаментомъ полиціи и не дошедшіе по назначенію. Протоколъ ихъ осмотра былъ оглашенъ на судѣ. Онъ содержалъ въ себѣ лишь отрывки изъ писемъ.

Протоколъ осмотра 12 октября 1904 г. писемъ Сазонова, изъ Женевы 9—22 ноября 1903 года.

«Вѣсти обо мнѣ и какъ пережили эти новыя испытанія».

«Дорогой папа, милая дорогая мамочка, выслушайте меня, поймите и, если возможно, простите. Мнѣ еще хочется пожить по-человѣчески и я рѣшилъ вмѣсто того, чтобы потратить 50 рублей совершенно задаромъ въ самой безпросвѣтн. глуши, среди голода, холода и умствен. мрака искать новой жизни и надѣюсь эту новую жизнь найду. Здѣсь все къ услугамъ: университетъ, европейская наука, литература по всѣмъ... (*листокъ обрывается*).

Изъ Берна. Здоровъ, хочу попробовать успокоить васъ. Я виноватъ передъ вами, но лишь по стольку, по скольку... Дѣлали для насъ вашихъ дѣтей все что могли, знаю, что всѣ ваши надежды, мечты, все ваше будущее заключалось въ насъ, вашихъ дѣтяхъ. Все это я знаю и всегда зналъ, знаю и зналъ, что вы такъ любили насъ, какъ можетъ быть никто изъ другихъ родителей. Ваша любовь, ваши заботы вполнѣ заслуживали того, чтобы ваши дѣти посвятили всю свою жизнь на успокоеніе вашей старости. Все это я зналъ чувствовалъ, обо всемъ тысячу разъ думалъ, мучился и страдалъ этими думами и все-таки вмѣсто радостей я причинилъ лишь страданія, только одни страданія, да еще страданія такія, какія могъ бы при... (*обрывается*).

На первой страницѣ 3-го листка «и знать что вы иногда такъ думали обо мнѣ». Но что нибудь поправить, измѣнить я не могъ. Какъ я

иногда завидовалъ моимъ дядямъ, которые уже ничего не чувствуютъ, никого не заставляютъ страдать. И сколько разъ я со скрежетомъ зубовъ говорилъ: «О если бы я не родился. Но я родился и былъ живъ и былъ обязанъ жить согласно своей судьбѣ!» Не думайте-же, что я равнодуш. легк. съ легк. сердц. переживаю то, что такъ дорого обходится вамъ. Я знаю вы не проклянете меня, не отречетесь отъ меня, знаю, что до своего послѣдняго вздоха вы будете страдать и молиться за меня».

2-я страница.

«щаго Христа, Онъ васъ утѣшитъ и поддержитъ. Съ какимъ восторгомъ, съ какой нѣжностью прижалъ-бы я васъ теперь къ своей груди, какъ горячо расцѣловалъ бы васъ. Но пусть это будетъ завѣтной и неисполнимой мечтой. Обрадуйте, оживите меня хоть вашимъ отвѣтомъ. Если это письмо дойдетъ до васъ это значитъ нашли возможнымъ допустить его къ вамъ. Въ такомъ случаѣ можете отвѣтить мнѣ не опасаясь. Бернъ до востребованія.

Черезъ три недѣли буду ждать отвѣта. Дорогіе мои простите за то безпок... (*обрывается*).

1 стр. 4 листка:

«И даже умереть пріятнѣе здѣсь среди кипучей жизни, чѣмъ постепенно таять въ ледяной могилѣ.

Да я глубоко вѣрю, что не погибну здѣсь. Жизнь обходится здѣсь легче и дешевле, чѣмъ напримѣръ въ Москвѣ. На 25—30 р. можно прекрасно устроиться. Первое время пока привыкну къ языку, ограничусь тѣмъ, что буду вольнослушателемъ. Изучу языкъ въ совершенствѣ, тогда легко выдержу экзаменъ при швейцарской гимназіи. Вольнослушательство зачтется. Такимъ образомъ черезъ какихъ-нибудь 3—4 года я буду докторомъ. Не правда-ли перспектива не особенно плохая, особенно сравнительно съ тѣмъ, что меня ожидало. И во всѣхъ...

Рѣчь Н. П. Карабчевскаго въ защиту Е. Сазонова, убившаго министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве.

Гг. судьи и гг. сословные представители!

Раньше всего позвольте разобраться въ юридической сторонѣ этого грустнаго дѣла. Необходимо устранить недоразумѣніе, грозившее подсудимому гибельными послѣдствіями. Это облегчитъ послѣдующее изложеніе соображеній, касающихся самаго трагическаго событія 15 іюля.

Въ обвинительномъ актѣ приведены карательныя статьи новаго уголовнаго уложенія, и статьи нашего стараго уложенія о наказаніяхъ.

Одновременная ссылка обвинительнаго акта на ст. 102 и 100 уголовнаго уложенія, а затѣмъ на ст. 1453 и 1458 уложенія о наказаніяхъ, по поводу одного и того-же преступнаго событія, требуетъ осторожнаго и вдумчиваго къ себѣ отношенія.

Въ силу іюньскаго закона новое „уголовное уложеніе“ введено въ дѣйствіе, лишь относительно, такъ называемыхъ, государственныхъ преступленій. Отсюда слѣдуетъ, что прежнее „уложеніе о наказаніяхъ“ касаться ихъ не можетъ. По обвинительному же акту выходитъ какъ-то такъ, что убійство бывшаго министра фонъ-Плеве являясь преступленіемъ, предусмотрѣннымъ старымъ уложеніемъ, какъ обыкновенное убійство, квалифицированное лишь общеопасностью способа (1 ч. 1453 ст.), съ тѣмъ вмѣстѣ, въ виду якобы осуществленія этимъ убійствомъ „цѣлей указанныхъ въ ст. 100 уголовнаго уложенія“, можетъ быть подведено по новому уложенію и подъ эту послѣднюю статью, т. е. можетъ быть караемо смертною казнью.

Такъ выходило, по крайней мѣрѣ, по обвинительному акту.

Я готовился протестовать со всею энергіею противъ тенденціи создать такое искуственное обвиненіе. Но къ счастью недоразумѣніе наполовину уже разсѣялось. Г. товарищъ прокурора, поддерживающій здѣсь обвиненіе, поспѣшилъ признать, что ст. 100 уголовнаго уложенія не имѣетъ прямого отношенія къ убійству и введена составителемъ обвинительнаго акта лишь для вящей иллюстраціи принадлежности Сазонова къ преступному сообществу. Едва-ли, однако, нужна была подобная ссылка, такъ какъ сама 102 статья, которая обнимаетъ собою принадлежность подсудимаго къ революціонному сообществу, въ самомъ текстѣ своемъ уже содержитъ подобное указаніе. Едва-ли также можетъ быть объяснено простымъ недоразумѣніемъ введеніе въ пунктъ обвиненія по обыкновенному убійству выраженія: „въ видахъ осуществленія указанныхъ выше цѣлей названнаго сообщества“. Если не было желанія этимъ путемъ самое убійство министра фонъ-Плеве пріурочить къ 100 статьѣ, приближающей подсудимаго къ висѣлицѣ, оно было излишне.

Но, слава Богу, объ этомъ нѣтъ больше рѣчи. Принципіальный и непримиримый врагъ смертной казни, я могу теперь болѣе спокойно выполнить свою обязанность.

Самая одновременность ссылки обвинительнаго акта на оба уложенія указываетъ ясно на то, что подсудимый одновременно повиненъ въ двухъ совершенно самостоятельныхъ дѣяніяхъ: во 1-хъ, въ правонарушеніи исключительно государственнаго порядка и, во 2-хъ, въ обще-уголовномъ преступленіи. Само собою разумѣется, что эти дѣянія, хотя и имѣющія связь въ личности преступника, юридически должны быть вполнѣ самобытны и различны. Иначе двумъ уголовнымъ кодексамъ не было-бы мѣста.

Такъ оно и есть въ дѣйствительности.

Ст. 102 уголовнаго уложенія предусматриваетъ только одно: участіе въ такомъ сообществѣ, программа котораго отчасти соотвѣтствуетъ программѣ русской соціально-революціонной партіи со всѣми ея придатками и осложненіями въ видѣ „Боевой организаціи“. Такую принадлежность Сазонова къ партіи, болѣе или менѣе правильно, возможно подвести только подъ 1 ч. 102 ст. Она не подводится, напримѣръ, вовсе подъ 3 часть той же статьи, ибо въ программу партіи—это общеизвѣстно—не входитъ пока (а мы судимъ по моменту, когда Сазоновъ застигнутъ какъ членъ сообщества) совершеніе тяжкаго преступленія, предусмотрѣннаго 99 ст. уголовнаго уложенія, т. е. цареубійства.

На вопросъ вашъ, г. предсѣдатель, о виновности по этому пункту обвиненія Сазоновъ призналъ себя виновнымъ, однако, съ оговоркой. Мнѣ остается пояснить и это сознаніе и эту оговорку.

Отрицать за „партіей соціалистовъ-революціонеровъ“ и ея „Боевой организаціей“ академическую рѣшимость дѣйствовать для достиженія программы партіи, въ случаѣ надобности, насильственно, конечно, было-бы трудно. Вѣроятно, партія не остановилась-бы передъ насильственнымъ государственнымъ переворотомъ, если бы считала его въ данную минуту своевременнымъ и возможнымъ, ради достиженія остальныхъ своихъ программныхъ цѣлей. Но не въ этой только, въ свою очередь „академической“, вѣроятности весь вопросъ.

102 ст. дѣлаетъ прямую ссылку на ст. 100 уложенія. Рѣчь идетъ стало быть о такомъ сообществѣ, которое составилось именно для учиненія тяжкаго преступленія, предусмотрѣннаго ст. 100. Эта-же статья трактуетъ о реальномъ насильственномъ ниспроверженіи государственнаго строя, основными законами установленнаго. Помимо общеизвѣстной печатной программы партіи, въ силу которой можно заключить, что партія для осуществленія своего конечнаго идеала должна перешагнуть не только черезъ самодержавіе, но и черезъ весь современный соціальный строй, у насъ, однако, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы такое насильственное посягательство уже реально готовилось, чтобы именно оно собрало вокругъ себя то „сообщество“, т. е. другими словами тѣхъ соучастниковъ, которые могли бы и надѣялись сейчасъ осуществить насильственный переворотъ.

„Сообщество“, какъ оно понимается 102 ст., въ сущности есть заговоръ на совершеніе опредѣленнаго преступленія 100 ст. предусмотрѣннаго. Мы же пока имѣемъ дѣло только съ партіей группирующейся, главнымъ образомъ, вокругъ идеи пересозданія всего соціальнаго строя. Неужели-же все, рѣшительно все, будетъ достигаться по программѣ партіи насильственнымъ способомъ? Неужели такова задача партіи? Очевидно нѣтъ, если только задача эта не явно химерическая.

Возьмемъ хотя бы уже общепризнанный фактъ—исключеніе партіею изъ своей программы преступленія, предусмотрѣннаго 99 ст. уложенія. Не въ этомъ-ли лучшее доказательство того, что не во всѣхъ случаяхъ партія считаетъ дозволенными насильственныя средства даже ради политическаго переворота.

Резюмируя сказанное, утверждаю: все что мы знаемъ до сихъ поръ о дѣятельности партіи и даже „Боевой ея организаціи“ не указываетъ еще на приготовленіе къ немедленному насильственному государственному перевороту. Отдѣльныя убійства должностныхъ лицъ, отдѣльные мстительные акты, о которыхъ я скажу ниже, сами по себѣ нисколько не колеблютъ и даже не могутъ колебать государственнаго строя установленнаго нашими законами основными, хотя сами по

себѣ эти насильственные факты, конечно, совершаются по поводу исполненія тѣми или другими должностными лицами своихъ служебныхъ обязанностей.

Новое уголовное уложеніе въ ст. 100, а стало быть и 102 ст. ясно отмежевало тотъ объектъ, на которое преступная воля должна быть направлена сообществомъ. Этотъ объектъ покоится исключительно на основныхъ законахъ Россійской Имперіи. Все, что внѣ этой охраны, не должно и не можетъ быть защищаемо ни 102, ни 100 ст. уголовнаго уложенія.

Почти съ классическою ясностью и опредѣленностью выражено это коренное положеніе въ объяснительной запискѣ редакціонной комиссіи, которую, въ виду важности вопроса, я здѣсь и процитирую:

„Признакомъ опредѣляющимъ существо преступленій государственныхъ является интересъ или благо, охраняемое выраженною въ законѣ нормою, на которую посягаетъ преступникъ. Такимъ объектомъ въ данномъ случаѣ является самое существованіе государства, ненарушимость его бытія, цѣлости, независимости. Этимъ признакомъ преступленія государственныя не только противополагаются посягательствамъ на отдѣльныя отрасли управленія, на отдѣльныя проявленія государственной жизни, но отдѣляются и отъ группы преступныхъ дѣяній, хотя и вредящихъ дѣятельности государственныхъ органовъ вообще, но не направленныхъ непосредственно на разрушеніе государственнаго организма, не направленныхъ на управленіе, выражаясь словами законовъ основныхъ (ст. 80 и 81), верховное, а относящихся лишь до управленія подчиненнаго. Другими словами, государственныя преступленія въ тѣсномъ смыслѣ должны быть не только отличаемы отъ посягательствъ на правительственную дѣятельность въ сферѣ судебной, административной или финансовой, но и отъ посягательствъ на порядокъ управленія вообще, на государственное благосостояніе, спокойствіе и безопасность внутреннюю и внѣшнюю, коль скоро эти посягательства не имѣютъ и не могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ разрушенія цѣлости или независимости государственнаго организма“.

Итакъ, по совершенно ясной формулѣ закона, извѣстныя

намъ убійства должностныхъ лицъ Боголѣпова, Богдановича, Сипягина, Андреева и Плеве, хотя и суть акты „Боевой Организаціи“, но не подходятъ подъ дѣйствіе ни 102, ни 100 ст. уголовнаго уложенія. Сами по себѣ взятыя они не имѣютъ и не могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ разрушеніе цѣлости и независимости государственнаго организма. Они вовсе не посягаютъ на основной государственный строй, не посягаютъ еще на ту ось, на которой вертится весь строй государственности, не посягаютъ, стало быть, и на самодержавіе.

При дѣйствіи нашего стараго уложенія о наказаніяхъ, представлявшаго собою неоднородный комокъ разныхъ наслоеній съ случайными историческими крапинами, была еще нѣкоторая возможность пользоваться сбивчивостью и неясностью его текста. Можно было, пожалуй, и министровъ и высшихъ сановниковъ приближать „къ основамъ самодержавія“, и ихъ дѣятельность пріурочивать къ дѣятельности самой самодержавной власти. Новое уложеніе категоричностью и ясностью своихъ положеній исключаетъ подобную возможность. Въ законахъ основныхъ ничего не говорится ни о министрахъ, ни о бюрократіи вообще. Она напрасно силится прикрыться прерогативами самодержавія. Убійство министра не есть еще посягательство на государственный переворотъ. Убили одного, за этимъ слѣдуетъ и ожидается не республика, и даже не конституція, а назначеніе другого тою-же Высочайшею властью.

По самой идеѣ самодержавія все это только „слуги царевы“, которые могутъ отправлять свою должность хорошо или худо, честно или зазорно, но только „отправлять должность“—а отнюдь не быть участниками самодержавія. Возьмемъ хотя-бы такой примѣръ: убиваютъ министра, котораго не успѣли только предать суду за его вопіющія злоупотребленія. Отъ устраненія подобнаго министра развѣ расшатывается государственный строй, развѣ проигрываетъ самодержавіе? Оно само отъ этого только выигрываетъ. Въ данномъ случаѣ, не болѣе какъ случайность что министръ фонъ-Плеве убитъ именно соціалистомъ-революціонеромъ. Его могъ убить и любой простой фанатикъ при той политически удушливой атмосферѣ, въ которой въ ту пору жило

все русское общество, ни мало еще не желая посягать этимъ убійствомъ на самодержавіе.

Предсѣдатель (*перебивая*). Вы не должны касаться этого...

Карабчевскій (*продолжая*). Составители новаго уголовнаго уложенія хорошіе юристы. Они это поняли и выдѣлили убійство должностныхъ лицъ, какъ таковыхъ, въ спеціальную статью, чего не было въ „уложеніи о наказаніяхъ". 3 ч. 455 ст. уголовнаго уложенія предусматриваетъ убійство всякаго рода должностныхъ лицъ (въ томъ числѣ, разумѣется, и министровъ) „при исполненіи или по поводу исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей". Такое посягательство на жизнь должностныхъ лицъ поставлено закономъ на свое надлежащее мѣсто, и мы въ правѣ выдѣлить его совершенно изъ той части программы партіи соціалистовъ-революціонеровъ, гдѣ рѣчь идетъ о ниспроверженіи нынѣ существующаго государственнаго строя. Самодержавіе само по себѣ, вопіющія злоупотребленія чиновниковъ и министровъ вызывающія у насъ столь частыя мстительные акты, сами по себѣ...

Но если это такъ, то въ какой-же мѣрѣ дозволительно 102 ст. уголовнаго уложенія примѣнить къ Сазонову, сознавшемуся лишь въ принадлежности къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ?

Ст. 250 прежняго нашего уложенія (которую замѣнила собою ст. 102) распадалась на двѣ части: первая часть говорила о сообществѣ, составившемся съ цѣлью учиненія немедленнаго насильственнаго переворота, 2-я—лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Это различіе исчезло въ редакціи 102 ст. Но общіе уголовные и политическіе мотивы примѣненія той или иной карательной мѣры остаются, конечно, во всей своей силѣ. Отдаленность вреда государственному строю, даже малая вѣроятность его, а стало быть и мало интенсивное напряженіе силъ и воли виновниковъ, какъ участниковъ сообщества, все это разумѣется можетъ и должно быть принимаемо во вниманіе при избраніи наказанія. Въ этомъ главное основаніе для возможнаго снисхожденія къ участнику подобнаго сообщества.

Далѣе, нельзя согласиться съ мнѣніемъ обвинителя, что виновность Сазонова должна отягчаться еще и 2 ч. 102 ст. Для примѣненія этой 2 части сообщество, должно обладать или складомъ оружія или средствами для взрыва.

Пока мы знаемъ только, что цѣлями, отличными отъ указанныхъ въ 100 и 102 ст., а именно съ цѣлью убійства министра фонъ-Плеве, были изготовлены двѣ бомбы. Но это уже предусмотрѣно спеціально I ч. 1453 ст. Нельзя дважды вмѣнять одинъ и тотъ-же признакъ.

Намъ абсолютно неизвѣстно и по настоящему дѣлу не установлено, чтобы соціальная партія и боевая организація имѣли въ своемъ распоряженіи „склады оружія“ или „средства для взрыва“ на случай учиненія мятежа и революціи.

Приравнять бомбу, отъ которой палъ б. министръ Плеве къ признаку, предусмотрѣнному 2 ч. 102 ст. также нельзя, какъ невозможно было-бы отнести два или три револьвера къ понятію „склада оружія“, если бы ими запасся, напримѣръ, убійца г. Сипягина Балмашевъ.

Косвеннымъ указаніемъ на то, что партія не имѣла и не имѣетъ въ своемъ распоряженіи подобнаго „склада“, можетъ служить и поведеніе Сикорскаго послѣ взрыва. . Если бы у партіи имѣлся подобный „складъ“ ему проще всего было-бы возвратить туда свою уцѣлѣвшую бомбу; а онъ носится съ нею и не знаетъ какъ отдѣлаться, пока, наконецъ, не попадается, именно благодаря ей, въ руки властей. Очевидно, обѣ бомбы были сфабрикованы и начинены исключительно на данный случай и только ради даннаго посягательства, а не ради иныхъ цѣлей партіи.

Итакъ, по этому первому обвиненію Сазоновъ можетъ быть признанъ виновнымъ лишь по I ч. 102 ст. уголовнаго уложенія, причемъ ему должно быть вами оказано нормальное снисхожденіе по приведеннымъ мною основаніямъ.

Еще только два слова по поводу конечныхъ цѣлей и задачъ сообщества.

Г. товарищъ прокурора съ ироническимъ негодованіемъ восклицалъ здѣсь: „они проповѣдываютъ неслыханныя вещи“.

Мы, русскіе граждане, дѣйствительно, рѣдко слышимъ призывъ къ тому, что поставлено партіей соціалистовъ сво-

имъ конечнымъ идеаломъ: переустройство общества на началахъ широкой свободы, общаго труда, полнаго равенства и искренняго собратства, словомъ,—на началахъ „всеобщаго счастья". Для насъ это дѣйствительно нѣчто неслыханное, такъ какъ даже и всякая мирная соціалъ-демократическая пропаганда у насъ воспрещена. Но ученіе соціалъ-демократовъ далеко не ново. Оно давно знакомо міру. Если подчасъ нашему нравственному чувству могли-бы претить средства, къ которымъ вынуждается партія, то цѣли остаются не менѣе чистыми. Кто-бы не пожелалъ осуществленія желаемаго рая на грѣшной землѣ, кто-бы не примкнулъ къ подобному идеалу, если бы его возможно было осуществить сейчасъ-же, однимъ братскимъ любовнымъ лобзаніемъ. Какая бѣшенная радость овладѣла бы тогда людскими сердцами... Не отъ того-ли насъ такъ и волнуютъ слова: „равенство, свобода, братство", что въ нихъ властно чуется призывъ къ этому общему, еще далекому отъ насъ, но всегда желанному и я вѣрю, возможному счастью.

Предсѣдатель. Прошу это оставить. Обратитесь къ дѣлу!

Карабчевскій. Перехожу къ убійству министра фонъ-Плеве.

Оно квалифицируется по 2 ч. 1453 ст. улож. о наказ., такъ какъ убійство совершено общеопасными средствами, путемъ разрывной бомбы. Сазоновъ горько скорбитъ о томъ, что невинною жертвою убійства палъ кучеръ, управлявшій каретою министра и серьезно пострадалъ капитанъ Цвѣцинскій. Но, разъ рѣшившись на убійство фонъ-Плеве, онъ не могъ предотвратить этихъ случайныхъ, и потому вдвойнѣ для него прискорбныхъ, жертвъ. Съ полнымъ сознаніемъ своей вины, преклоняясь передъ законною карою, онъ понесетъ за это свое дополнительное наказаніе по 1458 ст. улож. о нак.

Въ убійствѣ статсъ-секретаря, бывшаго министра, фонъ-Плеве Сазоновъ также признаетъ себя виновнымъ.

Фактъ дѣствительно совершился.

Всесильный въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, верховный глава всей явной и тайной полиціи, пользовавшійся всевозможными мѣрами и средствами охраны своей

тѣлесной неприкосновенности, палъ въ одно мгновенье, распластавшись бездыханнымъ, изуродованнымъ трупомъ на грязной мостовой, отъ простого движенія руки Сазонова, метнувшаго въ него роковую бомбу.

Мы не такъ наивны, чтобы пытаться оправдать въ вашихъ глазахъ это убійство, обложенное по закону суровою карою. Сазоновъ никогда не расчитывалъ на безнаказанность. Самый способъ убійства, къ которому онъ, въ силу исключительныхъ мѣръ охраны личности покойнаго министра, вынужденъ былъ прибѣгнуть, указываетъ явно на то, что онъ съ одинаковою рѣшимостью рѣшился на двойное дѣло: убить и вмѣстѣ быть самому убитымъ.

Отказать ему въ беззавѣтномъ мужествѣ вы не въ правѣ. Онъ зналъ, что дѣйствіе снаряда безусловно разрушительно на разстояніи 15—20 шаговъ и находился всего въ 8 шагахъ отъ мѣста взрыва. Если, оглушенный и весь израненный, онъ все-же уцѣлѣлъ, то случилось это помимо его воли и желанія. Я буду вѣрнымъ выразителемъ его чувствованій, если скажу даже болѣе: противъ его воли и противъ его желанія.

Отнимая у другого человѣка жизнь, жизнь, которую онъ считалъ опасною и гибельною для родины...

Предсѣдатель. Прошу не употреблять такихъ выраженій.

Карабчевскій. Онъ охотно отдавалъ за нее и свою молодую полную силъ жизнь, какъ плату за свою отважную рѣшимость. Какую еще болѣе дорогую плату онъ могъ-бы предложить для засвидѣтельствованія всей искренности и всего безкорыстія побудившихъ его мотивовъ?

Въ карманѣ у него былъ револьверъ. Если бы вслѣдствіе полученныхъ контузій онъ не потерялъ сознанія, онъ тутъ-же застрѣлился-бы. Онъ даже пытался сдѣлать это тогда, когда, уже очнувшись, лежалъ на мостовой, обливаясь кровью. Но рука его оказалась парализованной. Физическая возможность найти смерть безпощадно измѣнила ему.

Когда жалкіе „охранители“, нимало не охранявшіе министра, но за то низко усердствовавшіе послѣ его смерти, плевками и ударами по адресу лежачаго, обступили несчастнаго онъ даже къ нимъ обратился съ просьбою: „убейте

меня"! Все время онъ былъ увѣренъ, что жизнь его не принадлежитъ ему больше, что она вся беззавѣтно вылилась въ одномъ этомъ актѣ.

Въ письмѣ къ родителямъ изъ-за границы, письмѣ не дошедшемъ по назначенію онъ, повидимому, въ предвидѣніи выпавшаго на него тяжкаго жребія, завидуетъ двумъ своимъ дядямъ, покончившимъ самоубійствомъ и говоритъ: „о сколько разъ, я со скрежетомъ зубовъ говорилъ себѣ: о если бы я не родился! Но я родился и былъ живъ, и былъ обязанъ жить, согласно своей судьбѣ".

„Было-бы лучше если бы я умеръ"!—говорилъ онъ и карауливщему его въ камерѣ жандарму Герасимову, уже оправившись, чувствуя уже приливъ тѣхъ жизненныхъ силъ выздоравливающаго, на встрѣчу которымъ обыкновенно такъ блаженно спѣшитъ живой, лишь временно пораженный тяжкой болѣзнью, молодой организмъ.

„Было-бы лучше, если бы я умеръ!"

Можетъ быть, онъ былъ правъ.

Не было-бы и суда надъ нимъ. Не предстояло-бы тяжелой, тяжелой обязанности оправдываться въ томъ, въ чемъ всегда такъ трудно оправдаться: въ причиненіи смерти другому.

Не о моментѣ судейскаго оправданія, конечно, мы говоримъ. Вы вѣдаетесь лишь съ признаками законныхъ, сухихъ формулъ оправданія: безумія, личной необходимой обороны и т. п. Вашъ судъ суровъ и формаленъ. Мы говоримъ объ оправданіи людскою совѣстью.

Если убійство вообще трудно поддается оправданію, то все-же многіе факты, аналогичные съ настоящимъ, нашли уже давно свое историческое объясненіе. Никто но содрагается больше при именахъ: Вильгельма Телля или Шарлоты Кордэ, и всякій отлично понимаетъ почему, несмотря на то, что они убійцы, имена ихъ окружены лишь скорбнымъ ореоломъ мученичества.

При сужденіи о такъ называемыхъ „идейныхъ" убійствахъ, чуждыхъ своекорыстныхъ мотивовъ,—всегда нуженъ совокупный анализъ, какъ внутренняго міра самой личности, совершившей кровавый актъ, такъ и всѣхъ внѣшнихъ условій того, другого міра, который окружалъ этотъ актъ,

давалъ ему пищу, былъ, такъ сказать, его атмосферой. Не во всякое время и не при всякихъ условіяхъ такія личности, какъ Сазоновъ, обагряютъ свои руки въ крови, или хватаются за бомбы.

Чтобы не быть голословнымъ разберемся въ этомъ.

Сперва о личности Сазонова.

Здѣсь передъ нами было оглашено отношеніе департамента полиціи, представляющее собою полный послужной списокъ, или своеобразный curiculum vitae Сазонова. Грустное явленіе: біографическія свѣдѣнія о нашей молодежи мы вынуждены черпать исключительно изъ сыскныхъ данныхъ департамента полиціи. Знаменіе времени,—которое приходится имѣть въ виду при оцѣнкѣ мотивовъ, побуждающихъ эту молодежь принимать на себя все бремя, тѣхъ или иныхъ, террористическихъ актовъ. Такъ повелось у насъ уже съ Вѣры Засуличъ. Всегда одна и та же исторія. Истерзанные нравственно и физически „нелегальною“ жизнью, съ нервами расшатанными вѣчными „дознаніями“, обысками и преслѣдованіями за свои убѣжденія и взгляды, они, наконецъ, уходятъ въ лагерь „активныхъ“ революціонеровъ и несутъ свою молодую жизнь на закланіе въ видѣ очистительной жертвы за безправіе властей, инертность общества и...

Предсѣдатель. Мы не разслѣдовали этого. Я вамъ запрещаю!..

Карабчевскій. Факты налицо. Достаточно простыхъ біографическихъ справокъ о Сазоновѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ. До 1901 года это былъ еще совершенно „легальный“ вполнѣ мирный юноша, выросшій въ патріархальной купеческой семьѣ, въ которой, по словамъ обвиняемаго, „портреты царей чтились наравнѣ съ иконами“. Участіе свое въ зиму 1901 г. въ общестуденческихъ безпорядкахъ онъ самъ объясняетъ скорѣе „чувствомъ простого товарищества“ (чтобы не отставать отъ другихъ), нежели сознательнымъ протестомъ противъ современнаго режима. Загнанный сперва въ манежъ вмѣстѣ съ другими „бунтовщиками“, а затѣмъ попавъ въ московскую центральную тюрьму въ качествѣ препровождаемаго этапнымъ порядкомъ въ Уфу—на родину, онъ, по его собственному сознанію, здѣсь, именно здѣсь, впервые знакомится съ „нелегальною литературою“, и изъ простого

„гуманниста“ превращается въ непримиримаго, хотя пока только идейнаго, „врага“ царящихъ у насъ административныхъ и всякихъ иныхъ „порядковъ“.

По справкѣ департамента полиціи, въ мартѣ 1901 г., близъ московской центральной пересыльной тюрьмы „былъ поднятъ“ свертокъ съ гектографированными прокламаціями по поводу студенческихъ безпорядковъ (повѣстки, призывающія на сходки), „которыя повидимому принадлежали Е. С. Сазонову, содержавшемуся съ 23 февраля по 7 марта въ центральной тюрьмѣ и затѣмъ отправленному въ Уфу“.

Ясно, что человѣкъ на ходу выбросилъ могущіе компрометировать его ненужныя бумаженки. Казалось-бы: туда имъ и дорога! Но нѣтъ, такая „находка“ уже „цѣнный“ матеріалъ для жандармскаго дознанія. Скачутъ въ Уфу, дѣлаютъ облаву на домъ старика Сазонова, производятъ ночные обыски, заточаютъ недавно прибывшаго по этапу Егора Сазонова вновь въ тюрьму и дѣлаютъ изъ него уже форменнаго „политическаго преступника“. Почти годъ онъ содержится въ тюрьмѣ, томится, прибѣгаетъ къ голодовкѣ и, наконецъ, 2 января 1902 г. признается повиннымъ по 252 ст. улож. о нак. Онъ приговаривается къ гласному надзору и безвыѣздному проживательству въ мѣстѣ ссылки.

Приглядимся, однако, за что-же собственно разражается надъ юношей этотъ первый административно-политическій суровый приговоръ, рѣшающій всю его, дальнѣйшую „карьеру“? Онъ осужденъ за то, что у него нашли по обыску (вывезъ онъ все это изъ московской пересыльной тюрьмы, куда его сажали): одинъ экземпляръ журнала „Революціонная Россія“ № 1 за 1900 г. и одинъ экземпляръ брошюры „Манифестъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ“. Затѣмъ оказались въ значительномъ количествѣ гектографированные: „Письмо М. Цебриковой къ Императору Александру III“, „Письмо заключеннаго въ кресты“, „Протестъ СПБ. литераторовъ противъ дѣйствій полиціи во время безпорядковъ на Казанской площади“, „Копія заявленія тѣхъже литераторовъ по тому же поводу на имя министра внутреннихъ дѣлъ“, „Экземпляры заявленія академика Фаминцына по поводу несовмѣстимости дѣйствій профессора Сонина, какъ попечителя СПБ. учебнаго округа по дѣлу, о

судѣ надъ виновными въ безпорядкахъ студентами, съ его званіемъ академика", и, наконецъ, четыре рукописныхъ стихотворенія нелегальнаго содержанія.

Итакъ,—литературы явно революціоннаго содержанія было только по одному экземпляру. Очевидно, не для распространенія, а лишь для собственнаго просвѣщенія! Все остальное только случайная и совершенно безвредная „нелегальщина", нелегальщина только благодаря совершенно исключительнымъ цензурнымъ условіямъ того времени. Сейчасъ мы открыто печатаемъ вещи гораздо болѣе острыя и пряныя, и, слава Богу, государство отъ этого не рушится.

Такъ, на скорую руку, жандармскими усиліями сфабрикованъ былъ изъ Сазонова „политическій преступникъ".

Этотъ первый „приговоръ" опредѣлилъ, тѣмъ не менѣе, всю дальнѣйшую его судьбу, всю вплоть до этой роковой скамьи.

Въ апрѣлѣ того же года (т. е. всего два мѣсяца спустя послѣ выхода изъ тюрьмы) онъ уже вновь привлекается къ жандармскому дознанію. На этотъ разъ онъ признается „прикосновеннымъ" къ „Уральскому союзу соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ" съ задачею пропаганды среди рабочихъ и молодежи, и по Высочайшему повелѣнію отъ 2 іюля 1903 г. приговаривается къ высылкѣ подъ надзоръ полиціи на 5 лѣтъ въ Восточную Сибирь. Съ пути слѣдованія въ Якутскую область ему удается, однако, бѣжать. Осенью 1903 года мы видимъ его уже за границей, въ Швейцаріи, въ Женевѣ въ штабъ-квартирѣ русскаго революціоннаго движенія.

Такъ, въ какіе-нибудь полтора года мирный, мягкій по характеру, съ гуманнѣйшими воззрѣніями юноша превращается въ матеріалъ вполнѣ пригодный для „террористическаго акта".

Достойно замѣчанія, что уже будучи въ Женевѣ, въ этомъ центрѣ революціонныхъ воздѣйствій, онъ еще нѣкоторое время мечтаетъ о мирной культурной работѣ. Въ письмѣ своемъ отъ 9 ноября 1903 г. онъ пишетъ отцу и матери, которыхъ всегда нѣжно любилъ: „Дорогой папа, милая дорогая мамочка! Я глубоко вѣрю, что не погибну здѣсь. Жизнь обходится здѣсь легче и дешевле, чѣмъ, на-

примѣръ, въ Москвѣ. На 25—30 рублей можно прекрасно устроиться. Первое время пока привыкну къ языку, ограничусь тѣмъ, что буду вольнослушателемъ. Изучу языкъ въ совершенствѣ, тогда легко выдержу экзаменъ при швейцарской гимназіи. Вольнослушательство зачтется. Такимъ образомъ черезъ какихъ нибудь 3—4 года я буду докторомъ. Не правда-ли перспектива не особенно плохая, особенно сравнительно съ тѣмъ, что меня ожидало?!."

Письмо это не дошло по назначенію. Оно было перехвачено департаментомъ полиціи. Трагическій образчикъ политической мудрости и полицейской предусмотрительности! У несчастнаго обрѣзываютъ послѣднюю нить, привязывавшую его къ близкимъ и родинѣ, отнимаютъ послѣднюю надежду, выхватываютъ изъ рукъ послѣднюю задержку на томъ наклонномъ скользкомъ пути, который ведетъ его къ пропасти!

Теперь два слова объ объективныхъ условіяхъ, воспріятіе которыхъ опредѣлило его рѣшимость.

Я понимаю, какъ затруднительно будетъ мнѣ высказаться. Но все-же попытаюсь.

Послѣ убійства министра Сипягина вакантное мѣсто занялъ Плеве. Балмашевъ былъ повѣшенъ. Въ обществѣ воцарилось кажущееся спокойствіе и гробовое молчаніе. Печать, единственная выразительница общественнаго настроенія, или подневольно молчала, или заискивала у всесильнаго министра и раболѣпствовала передъ нимъ...

Предсѣдатель. Я лишу васъ слова, если вы еще разъ позволите себѣ подобныя выраженія!

Карабчевскій. Печать, къ сожалѣнію, безмолствовала.

Предсѣдатель. Я же остановилъ васъ!.. (*пауза*). Продолжайте.

Карабчевскій. Вы остановили меня, но не остановили моей мысли, и она продолжаетъ работать. Я долженъ дать ей выходъ. Я объясню это какъ нибудь иначе... Дайте подумать! (*продолжительная пауза*). Я хотѣлъ сказать, что Созонову негдѣ было почерпнуть трезвыхъ, безпристрастныхъ и даже фактически вполнѣ точныхъ свѣдѣній о дѣятельности покойнаго министра. Общественное мнѣніе, запуганное и ошеломленное, предавалось самому мрачному отчаянію, ему рисовались только одни ужасы. Созоновъ поневолѣ

черпалъ всѣ свѣдѣнія о дѣятельности своей будущей жертвы только изъ одного источника, изъ нелегальной литературы. А вы мнѣ повѣрите на слово, если я вамъ скажу, что въ свободной заграничной печати, конечно, не жалѣли черныхъ красокъ на изображеніе во весь ростъ мрачной фигуры бывшаго государственнаго дѣятеля, бывшаго вождя внутренней политики Россіи.

Здѣсь было оглашено содержаніе только одного номера заграничнаго изданія „Tribune russe“. Въ немъ между прочимъ, напечатанъ цѣликомъ мотивированный смертный приговоръ, поставленный „боевою организаціею“ надъ бывшимъ министромъ Плеве. Вспомните содержаніе этого приговора, и вамъ станетъ понятно чѣмъ представлялась эта намѣченная приговоромъ жертва въ глазахъ Сазонова, когда онъ рѣшился стать исполнителемъ смертнаго надъ нимъ приговора.

Весь ужасъ, который постигъ въ послѣдніе годы Россію, исключительно приписывается приговоренному. Онъ настоялъ на повѣшеніи Балмашева, онъ заточилъ въ тюрьмы и послалъ въ ссылку тысячи невинныхъ людей, онъ сѣкъ и разстрѣливалъ крестьянъ и рабочихъ, онъ глумился надъ интеллигенціей, онъ сооружалъ массовыя избіенія евреевъ въ Кишиневѣ и Гомелѣ, онъ задушилъ Финляндію, онъ тѣснилъ поляковъ, онъ вліялъ на то, чтобы возгорѣлась наша ужасная война съ Японіей, въ которой уже столько пролито и еще столько прольется русской крови... Все это чернымъ на бѣломъ изо дня въ день печаталось въ нашихъ заграничныхъ изданіяхъ. Въ томъ революціонномъ тупикѣ, въ которомъ очутился въ послѣднее время за границей Сазоновъ, не было другихъ мыслей, не было другихъ словъ о Плеве. Онъ рисовался не иначе какъ гибельнымъ зловѣщимъ кошмаромъ, который своимъ властнымъ колѣномъ навалился на грудь родины и безпощадно душитъ ее. Сазонову казалось, что это чудовище, которое можетъ быть устранено только другимъ чудовищемъ—смертью! И принимая трепетными руками бомбу, предназначенную для него, онъ вѣрилъ, свято вѣрилъ въ то, что она не столько начинена динамитомъ и гремучей ртутью, сколько слезами, горемъ и бѣдствіями народа. И когда рвались и разле-

тались въ стороны ея осколки, ему чудилось что это звенятъ и разбиваются цѣпи, которыми опутанъ русскій народъ...

Предсѣдатель. Я запрещаю вамъ! Вы не подчиняетесь. Я принужденъ буду удалить васъ!

Карабчевскій. Такъ думалъ Сазоновъ... Я кончаю... Вотъ почему, когда онъ очнулся, онъ крикнулъ: „да здравствуетъ свобода!“

Цѣна **25** копѣекъ.

При покупкѣ книги „Рѣчи“—безплатно.